

АГОНИСТИКИ, ИЛИ ЦИРКУМЦЕЛЛИОНЫ, В КОДЕКСЕ ФЕОДОСИЯ

Н. А. Машкин

I

История социальных движений конца Римской империи относится к числу малоисследованных вопросов древней истории. Такова судьба, в частности, того движения, носители которого называли себя агонистиками, противники же прозвали их циркумцеллионами¹.

Данные об этом движении мы находим, главным образом, у церковных писателей. Мы не встретим упоминаний о нем ни в «Истории» Аммиана Марцеллина, ни в хрониках, излагающих события IV—V вв. Очень мало дают нам и эпиграфические материалы². В юридических же памятниках название «циркумцеллионы» промелькнуло один раз, причем в таком контексте, который находится в противоречии с теми данными, какие содержатся у церковных писателей.

В литературе мы найдем различные объяснения этого противоречия³. Последнюю попытку установить значение термина *circumcelliones* в кодексе Феодосия дал Сомань в статье, опубликованной в журнале «Annales d'histoire économique et sociale» за 1934 г.⁴

Автор не ограничивается лишь терминологическими изысканиями. Объяснение соответствующего места из Кодекса Феодосия приводит его к выводам, отрицающим революционную борьбу в Римской Африке и то своеобразие аграрных отношений, какие характерны для конца Римской империи. Устанавливая действительный смысл термина *circumcelliones* в Кодексе Феодосия, мы не можем обойти взглядов Соманя.

Движение агонистиков, или циркумцеллионов, тесно связано с тем религиозным течением, которое по имени первого его руководителя называется донатизмом. Донатизм возник в начале IV в. в связи с диоклетиановским гонением. Группа африканских епископов, во главе с Донатом, обвиняла карфагенского епископа Мензурия в том, что он выдал римским властям церковные книги. Когда после смерти Мензурия епископом был

¹ Попытка изложения хода этого движения и его общей характеристики дана нами в статье «Движение агонистиков (из истории Римской Африки IV в.)», «Историк-марксист», 1935, № 1 (41), стр. 28—52; там же библиография, стр. 28—29.

² Они собраны в работе М о н с е а у х, Histoire littéraire de l'Afrique chrétienne. Paris, 1910, t. IV.

³ T h ü m m e l, Zur Beurtheilung des Donatismus. Halle, 1893, S. 93; O. S e e c k, Geschichte des Untergangs der antiken Welt. Stuttgart, III, Anhang, S. 507.

⁴ S a u m a g n e, Ouvriers agricoles ou rodeurs de cellier? Des circoncellions d'Afrique. «Annales d'histoire économique et sociale», 1934, № 27.

избран диакон Цецилиан, он не был признан группой Доната, и после эдикта о веротерпимости (313) враждующие стороны обратились к императору Константину, по предложению которого этот вопрос разбирали сначала Римский, а затем Арлеатский церковные соборы. Эти соборы стали на сторону Цецилиана, и решение их было принято правительством. Непризнанная правительством церковь Доната пользовалась большой популярностью среди различных кругов населения африканских провинций. Донатисты отстаивали те церковные правила, какие давно уже установились в Африке и которые не были приняты в других церквях. Донатисты считали Мензурия и Цецилиана предателями, по примеру Иуды предавшими Христа. Так как Мензурия поддерживали другие епископы, то и они повинны в том же грехе. По мнению донатистов, священником и епископом мог быть только тот, кто не впал в грех, подобный предательству. Обряды, совершенные предателем, недействительны, поэтому донатисты перекрещивали всех возвращавшихся к ним от католиков. Донатисты учили, что только они составляют истинную церковь, церковь святых, и христианская вера поэтому сохранилась только в Африке. Последнее утверждение выражало собой сепаратистские тенденции, характерные для последних веков Римской империи. Донатистов поддерживали различные слои городского населения, недовольные усилением налогового бремени и политикой закрепощения, аристократия полунезависимых берберийских племен и, наконец, аграрное население. Представители другой религиозной группы, называвшие себя католиками, опирались на поддержку правительства и других церквей (прежде римской). Главную роль среди католиков в Африке играли римские чиновники и владельцы крупных поместий. Правительство стояло на стороне католиков, и свое отношение к государству донатисты выразили словами основателя секты: «Что императору до церкви?» (*Quid est imperatori cum ecclesia?*)⁵.

Между сторонниками церкви велась ожесточенная борьба, перераставшая в религиозную войну. Как и в XVI в., «классовая борьба носила тогда религиозный отпечаток... интересы, потребности и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой»⁶. Эта борьба нашла отражение и в церковной литературе. До нас не дошло ни одного донатистского трактата, но зато произведение мелевитанского епископа Оптата и многочисленные произведения гиппонского епископа Августина вводят нас в круг всей донатистской и антидонатистской литературы. Произведения Оптата и Августина стремятся опровергнуть те положения донатизма, какие выше были приведены. Одним из аргументов, направленных против донатистов, было указание на то, что они опираются на циркумцеллионов, — «род людей, бродящих вокруг деревенских клетей (подвалов или, может быть, хижин), откуда они получили свое имя циркумцеллионов» (*genus hominum cellas circumiens rusticanas unde et circumcellionum nomen accepit*)⁷.

Циркумцеллионы—это оскорбительное прозвище (*contumeliosum nomen*). Сами они называли себя агонистиками (борцами)⁸.

На основании произведений церковных писателей мы можем установить, что агонистики, или циркумцеллионы, представляли собой радикальное крыло донатистов. К ним примыкали, главным образом, рабы

⁵ Optatus, *De schismate donatarum*, III, 3.

⁶ Энгельс, *Крестьянская война в Германии*. М., 1932, стр. 32.

⁷ Augustinus, *Contra Gaud.* (C. S. E. L., v. 53, ed. Petsching, 1910), 1, 28, 32.

⁸ Augustinus, *Enar. in psalmos* (Migne, *Patrologia latina*, v. 137), 132, 6.

и колонны, принадлежавшие очень часто к коренному берберийскому населению. В то время как руководители донатистской церкви не раз пытались договориться с римским правительством и заручиться его поддержкой, агонистики в течение целого столетия вели упорную и ожесточенную борьбу с представителями римского правительства, с крупными землевладельцами и с католическим духовенством.

Если в начале раскола правительство пыталось примирить враждующие церкви, то впоследствии оно перешло на путь репрессий по отношению к донатистам. Императорами издается ряд эдиктов, запрещающих второе крещение, угрожающих различными наказаниями врагам правительственной церкви. Наиболее последовательную борьбу с донатистами вел император Гонорий (395—423). В числе изданных им эдиктов находится и тот, где упоминаются циркумцеллионы. Эдикт начинается указанием на прежние законы о донатистах и на то, что если после опубликования данного закона донатисты—как клирики, так и миряне—не присоединятся к католической церкви, они понесут наказания. Далее следует перечисление этих наказаний; в соответствии с сословным положением налагается определенный штраф в пользу фиска: *inlustres* вносят 50 фунтов золота; *spectabiles*—40; *senatores*—30; *clarissimi*—20; *sacerdotales*—30; *principales*—20; *decuriones*—5; *negotiatores*—5; *plebei*—5 фунтов золота. Далее указываются *circumcelliones*, которые вносят 10 фунтов серебра. Затем следует: *Qui nisi a conductoribus, sub quibus commanent, vel procuratoribus executori exigenti fuerint praesentati ipsi teneantur ad poenam, ita ut nec domus nostrae homines ab huiusmodi censura habeantur immunes. Uxores quoque eorum maritalis segregatim multa constringat. Eos enim, quos nequaquam inlata damna correxerint, facultatum omnium publicatio subsequetur.* («Если кондукторы или *procuratores*, под которыми они находятся, не представят их экзекутору, взимающему штрафы, то пусть на них самих налагается штраф, так, чтобы и наши люди не были свободны от такого рода наказания. Жены же их облагаются штрафом отдельно от мужей. У тех же, кто не исправится после внесенного штрафа, конфискуется все имущество»). Эдикт заканчивается указанием, что рабов должны наказывать их господа (*dominorum admonitio*), а колонны отвращаются от неправой веры телесными наказаниями (*verbera*). Донатистское духовенство отправляется в ссылку, церковные здания и имения донатистской церкви отходят к католической церкви⁹.

Через два года выходит новый эдикт от 17 июня 414 г. Повторяя предыдущий эдикт в части, касающейся имущества донатистской церкви и донатистского духовенства, эдикт устанавливает такие суммы штрафа: *comites primi ordinis, proconsulares, vicariani* вносят 200 фунтов серебра; *reliqui honorati—senatores, sacerdotales*—100; *decemprimi curiales*—50, *reliqui curiales*—10 фунтов серебра. Эдикт угрожал кондукторам императорских имений взыскать двойную арендную плату, если в имении будет существовать донатистская ересь, о кондукторах же частных имений, в которых будут происходить собрания донатистов, сообщать их владельцам с тем, чтобы те приняли соответствующие меры, иначе сами владельцы должны нести наказание. Рабы и колонны подвергаются телесному наказанию и лишаются трети пекулия¹⁰. Заметим, что в этом эдикте циркумцеллионы не упоминаются.

⁹ Cod. Theod., XVI, 5, 52.

¹⁰ Cod. Theod., XVI, 5, 54.

II

Сомань считает эдикт 412 г. чуть ли не единственным документом, на основании которого можно определить, кто такие были циркумцеллионы. Он пытается установить, что: 1) циркумцеллионы находились в ведении кондуктора, так же как *homines* императорского имения—в ведении прокуратора; 2) *executor* должен был зарегистрировать отречение, но не мог сам добраться до каждого циркумцеллиона; 3) каждый из циркумцеллионов должен быть известен кондуктору, и последний мог с ним справиться; 4) если циркумцеллионы укрываются и не выполняют требования эдикта, то штраф в 5 фунтов серебра платит сам кондуктор; 5) жены циркумцеллионов уплачивают штраф отдельно от мужей; 6) несправившиеся, а также их жены, наказываются конфискацией имущества; 7) циркумцеллионы, которые укрываются от явки к экзекуторам, оставляют в руках государственной власти заложника в лице жены и в виде залога свое имущество.

Из всего вышеизложенного Сомань приходит к заключению, что циркумцеллионы относятся к сельскому населению, живущему группами под властью кондуктора. Они владеют имуществом, на которое может быть наложен арест. Другая черта—они могут уклониться от исполнения закона, переходя на жительство в другое место. Они не могут подвергаться телесному наказанию подобно рабам и колонам.

Как мы видели выше, эдикт 414 г. не упоминает циркумцеллионов. Сомань считает, что, поскольку *conductores* ответственны за соблюдение правовеярия в имении, они ответственны и за циркумцеллионов. Последние рассматриваются отдельно от рабов и колонов. *Conductor* занимает промежуточное положение между циркумцеллионами и государственной властью, точно так же как *dominus* стоит между государственной властью и своим кондуктором.

Все, что говорят о циркумцеллионах церковные писатели, по Соманк,—только полемические приемы. Циркумцеллионы могли, конечно, принимать участие в таких движениях, как восстания Фирма и Гильдона, но они не принадлежали к определенной конфессиональной группе. Сомань отрицает даже прямую их связь с донатистами: ссылаясь на упоминание циркумцеллионов в эдикте вандальского короля Гунериха, направленном против католиков, Сомань делает вывод, что среди них могли быть также циркумцеллионы.

Сомань находит, что слово «номады» лучше всего передает смысл слова *circumcelliones*. Из всей церковной литературы о циркумцеллионах он признает правильным только одно сообщение, а именно, что циркумцеллионы живут в полях. Они—*agrestes, campitae*.

Отсюда автор приходит к выводу, что циркумцеллионы не кто иные, как кочующие свободные сельскохозяйственные рабочие, каких можно встретить и в наши дни во время уборки хлебов.

Свободные рабочие встречались и в раннюю эпоху. Автор ссылается на знаменитую надпись из Макгара: «*Paupere progenitus lare sum*»...¹¹, представляющую собой эпитафию неизвестного нам по имени декуриона, который происходил из бедного рода и у родителя которого не было ни ценза, ни дома. Он находил себе пропитание работой в поле. Как только начиналась пора жатвы, он уходил в Нумидию, где был сначала простым

¹¹ *Corpus inscriptionum latinarum*, VII, 11824.

жнецом, позднее он становится уже руководителем (*ductor*) артели таких жнецов. Впоследствии он приобретает себе имущество, попадает в декурioni и избирается даже цензором (несет функции *duumvir'a quinque-palis*). Сомань предполагает, что *ductor* этих кочующих рабочих заключал контракт с кондукторами имения и находился с ними в тех же отношениях, в каких стоит клиент по отношению к своему патрону. Он ссылается на законодательство IV в., упоминающее свободных земледельцев, которые не должны привлекаться к принудительным общественным повинностям в разгар полевых работ, а также на наем свободных сельскохозяйственных рабочих в эту эпоху. Таким образом, наряду с рабами и колонами, на территории имения были свободные рабочие. Они составляли особое *ordo*. Они нанимались на сезонные сельскохозяйственные работы и по выполнении контракта отправлялись в другое место.

Сомань устанавливает «*Continuität*», применяя термин Допша, в развитии аграрных отношений Северной Африки. Кочующие сельскохозяйственные рабочие существовали всегда. Они были в Италии во времена Катона и Варрона. Они играли большую роль в Африке в III в., они сохранились в эпоху поздней империи, они существуют и в наши дни. Рабы и колоны не идут дальше того, чтобы вечером, после работы, послушать «разные истории». Они пассивны. Циркумцеллионы не убивают господ, они не меняют ролей между рабами и господами, не разоряют жилищ и не разрушают домов. Они... только рассказывают истории про донатических мучеников. Донатизм, следовательно, исключительно религиозное движение, не находящее корней в социальном строе Римской Африки. Все спокойно, лишь временами проносятся ураганы больших восстаний полунезависимых мавританских князей Фирма (372 г.) и Гильдона (397 г.). В них принимают участие экспансивные номады—циркумцеллионы. Но потом они возвращаются на сезонные работы...

III

Перейдем к анализу аргументации Соманя.

Отметим прежде всего, что та часть эдикта 412 г., которая начинается словами «*qui nisi a conductoribus, sub quibus commanent*», не может быть отнесена только к циркумцеллионам. Это выражение не могло иметь в виду тех, кто находился на временной работе в императорских имениях. *Commanere* значит «оставаться» или «находиться вместе». Таким образом, эдикт имеет в виду лиц различных сословных категорий (это могли быть и *negotiatores*, и *plebei*, и, наконец, *circumcelliones* в том значении, как это понимается в эдикте), постоянно живущих на территории императорских поместий и составляющих донатистскую общину. Наше толкование находит подтверждение и в эдикте 414 г., где говорится о том, что *conductores* будут наказаны, если в имениях императорской фамилии сохранится ересь. Естественно поэтому и выражение эдикта 412 г. «*Uxores quoque eorum maritalis segregatim multa constringat*» понимать так же, как толковал его Готофред, считавший, что речь идет о женах всех донатистов¹², а также и следующие за этим слова: «*Eos enim, quos nequaquam inlata damna correxerint, facultatum omnium publicatio subsequetur*» отнести ко всем донатистам.

¹² Cod. Theod. ed. Gothofredi, 1743, VI, P. I, p. 192.

Итак, на основании эдикта мы не можем говорить ни об имущественном, ни о правовом положении циркумцеллионов. Остается теперь выяснить, кого разумеет эдикт под «*circumcelliones*», и можем ли мы отбросить, как недостоверное, все, что говорится о циркумцеллионах в церковной литературе.

Правильная интерпретация эдикта 412 г. может быть дана лишь тогда, когда мы познакомимся с историей его появления. Мы уже сказали, что правление императора Гонория характеризуется систематической борьбой с донатистами. Но после целого ряда эдиктов, направленных против донатизма, в 410 г. появляется эдикт, снимающий запрещение со всех христианских сект¹³. Этот эдикт, изданный, по всей вероятности, из опасения, как бы противники официальной церкви не соединились с Аларихом, вызвал переполох среди африканских католиков. Карфагенский собор направляет к императору делегатов с просьбой отменить закон. И действительно, уже 25 августа закон этот отменяется, и восстанавливаются прежние распоряжения¹⁴. В Африку направляется трибун и нотарий Марцеллин, которому поручается созвать собор из представителей донатистов и католиков¹⁵. Собор начался 1 июня 411 г. В нашу задачу не входит передавать содержание прений. Обратим внимание только на то, что в этих прениях всплывает и вопрос о циркумцеллионах. Когда донатисты заговорили о преследовании их католиками, последние заявили, что донатисты не должны ставить этого вопроса, когда «циркумцеллионы, руководимые донатистскими клириками, совершают столь ужасные злодеяния»¹⁶.

Донатисты уклончиво отвечали, что злодеяния не могли быть допущены епископом. Но большее значение, чем упоминание о циркумцеллионах во время прений на соборе, имеет то решение, которое вынес Марцеллин. Оно осуждало донатизм. «Каждый епископ донатистской общины должен беспрепятственно вернуться обратно на свое место и, доколе он на этом месте остается, решить, вернется ли он в единую и истинную церковь, или же пусть не препятствует немедленному применению законов. Те же, которым известно, что в их владениях (*in praediis suis*) находятся скопища циркумцеллионов (*circumcellionum turba*), и не сделают ничего для того, чтобы подавить и усмирить их буйство, пусть знают, что тогда именно их имение будет отнято в пользу фиска»¹⁷.

Сравнив эту выдержку из решения Марцеллина с только что приведенным заявлением католиков на соборе, можно установить полное тождество понимания термина *circumcelliones*.

Но на решение Марцеллина никак нельзя смотреть, как на «полемическое произведение». Это официальный документ, имеющий законную силу для африканских провинций. Когда в 413 г. Марцеллин был обвинен в содействии проконсулу Африки Гераклиону, пытавшемуся объявить себя независимым от императора, и казнен, то все объявленные им распоряжения против донатизма особым эдиктом (от 30 августа) были оставлены в силе¹⁸.

¹³ Cod. Theod., XVI, 5, 51; Gesta collationis Carthagenensis (Migne, P. L. 11), I, 4; Aug. ep. 108, 6, 18 (то же изд., v. 33).

¹⁴ Cod. Theod., XVI, 5, 51.

¹⁵ Gesta collat. Carth. I, 4.

¹⁶ Aug. Brev. collat., III, II, 21.

¹⁷ Gesta collat. Carth., sententia cognitoris, Migne, P. L., p. 1240.

¹⁸ Cod. Theod., XVI, 5, 55.

А одним из главных распоряжений Марцеллина было его заключение на соборе 411 г.

Это решение было вынесено 3 июня 411 г., а тот эдикт, где упомянуты циркумцеллионы, был издан 30 января 412 г. По существу, он утверждает заключение Марцеллина. Составитель эдикта, перечисляя главные сословные категории, не преминул упомянуть и циркумцеллионов, о которых говорилось в сентенции Марцеллина. У нас нет никаких оснований утверждать, что составитель хотел употребить этот термин в ином значении, чем он употребляется Марцеллином. Ведь не мог же в императорской канцелярии находиться какой-то особый «специалист по африканским аграрным отношениям». Но составитель, исходя из решения Марцеллина, вложил в этот термин несколько иной смысл.

Отметим, что каких-либо особых распоряжений, направленных только против циркумцеллионов, издано не было. История движения дает нам ряд примеров жестокой расправы с агонистиками. Кровавые столкновения происходят в 340 и 347 гг. Однако наши источники нигде не говорят о том, что были изданы какие-либо распоряжения, определяющие наказания только за принадлежность к агонистикам. Объясняется это тем, что представители официальной церкви всячески стремились доказать общность их с донатистами для того, чтобы скомпromетировать последних перед правительством. Недаром одним из главных аргументов против донатистов была ссылка на то, что те руководят агонистиками. Мы узнаем, что после собора 411 г. Марцеллин осуждает двух агонистиков за нападение на католических клириков. Другими словами, обвинения выносятся по тем или другим частным случаям.

По эдикту 412 г. рабы и колоны возвращались к истинной вере а *prava religione* путем телесных наказаний, *низшие же слои свободного сельского населения, поскольку сословное положение их в условиях смешанного туземного и римского населения было различным, объединены были в эдикте под названием circumcelliones*, которое составитель взял из заключения Марцеллина. Там говорилось о *turba circumcellionum*. Понятно, что составитель не мог пройти мимо этого указания. Донатистов, относящихся по своему происхождению к свободному сельскому населению, он выделил в особую группу, поставив их после плебеев. Этим объясняется и то, что штраф, взимаемый с циркумцеллионов (10 фунтов серебра), значительно ниже той суммы, какую платят городские плебеи (5 фунтов золота).

Нет никаких оснований в эдикте 412 г. видеть источник, верно отражающий реальную действительность. Написанный в торжественных, высокопарных выражениях, он ставил своей целью пресечь раскол донатистов. Мерами пресечения были избраны штрафы и телесные наказания. Стилю эдикта соответствует то, что составитель перечислил все сословия, хотя это отнюдь еще не обозначает, что среди донатистов были *illustres* и *spectabiles*. Это перечисление обозначало лишь, что никто не избавлялся от наказаний за принадлежность к противному официальной церкви религиозному течению. Эдикт определял наказания за самую принадлежность к донатизму; за те или иные выступления против крупных владельцев и католического духовенства агонистики наказывались на основании других узаконений. Термин *circumcelliones* был взят составителем дословно; он показался ему удобным для обозначения свободных сельских жителей, взят из сентенции Марцеллина без учета того, в каком смысле Марцеллин его применяет. Ему важно было не обойти тех, кто составлял скопища (*turba*), а для этого удобнее всего было взять термин из того до-

кумента, на основании которого составлялся эдикт. Но это, таким образом, случайный термин императорской канцелярии, и в эдикте 414 г. он больше не употребляется. Таким образом, несмотря на тенденциозность африканских церковных авторов, они являются более надежным источником, поскольку они были живыми свидетелями африканских событий поздней империи. Эдикты же могут свидетельствовать лишь об отношении императорской власти к донатизму.

IV

Отвергнув толкование термина *circumcelliones*, какое дает Сомань, мы не можем уклониться от разбора его взглядов, касающихся роли свободного труда в Римской Африке периода поздней империи. Не приходится сомневаться в том, что античное крупное сельское хозяйство знало применение свободного труда. Но он никогда не имел решающего значения.

В африканских поместьях, как частных, так и императорских, рабский труд играл большую роль не только во времена ранней, но и в эпоху поздней империи. Специальное исследование Гзелля, посвященное этому вопросу, показывает, что сельскохозяйственные рабы в пределах Римской Африки были больше распространены, чем в других провинциях¹⁹.

Конечно, огромные территории африканских поместий нельзя было обработать только рабским трудом. Сомань, подобно другим исследователям, правильно интерпретирует вышеупомянутую эпитафию из Мактара, говорящую о *turrae messorum*, под руководством *ductor'a* убирающих поля. Но эта надпись относится, вероятнее всего, к началу III в., к той эпохе, когда античное рабство стало изживать себя.

В это же время развивается система колонатных отношений. В IV и V вв. эти отношения делаются преобладающими в Римской Африке. Сомань ссылается на эдикт Константина от 328 г., где имеются в виду свободные *agricolae*. Мы считаем, что эти *agricolae* оставались и позднее, но число их уменьшалось с каждым годом. Еще в середине III в. Киприан жаловался, что уменьшается число земледельцев («*as deficit in arvis agricola*»)²⁰. Вряд ли они превращались в сельскохозяйственных рабочих. Они бежали из приморской полосы в Нумидию, где становились колонатами императорских и частных владений. Юридические памятники IV и V вв. говорят нам о больших территориях пустыющей земли. Эдикт 365 г. предписывал взимать налоги как с обрабатываемой, так и с невозделанной земли²¹. Но эта мера не помогла, и эдикт Гонория от 422 г. говорит о земле, освобожденной от налогов. В одной только Проконсульской провинции такой земли оказывается 9 002 центурий и 144¹/₂ югера. Характерно, что в эдикте совсем не упоминается Нумидия²².

Опираясь на эдикт 347 г.²³, Сомань говорит, что сделки с сельскими рабочими имели место и в ту эпоху. В эдикте идет речь о должниках казны, укрывшихся в других местах. Правильно понимая слова *operis impensis*

¹⁹ St. Gsell, *Esclaves ruraux dans l'Afrique Romaine*, в сборнике «*Mélanges Glotz*», I, 1932, p. 398.

²⁰ Cyprianus, ad Demetr. (C. S. E. L., v. 4, ed. Hartel), 3.

²¹ Cod. Theod., XI, 1, 10; Jun g., *Die romanischen Landschaften*, S. 178.

²² Cod. Theod., XI, 28, 13.

²³ Cod. Just., XI, 48, 8.

mercedem placitam consecuti sunt в том смысле, что здесь идет речь о денежной оплате за сельскохозяйственные работы, он опускает стоящее перед этим выражение, указывающее на иную возможность соглашения бежавших должников казны с владельцами поместий. Эдикт говорит, что беглые (*profugi*) вносят за обрабатываемые ими земли часть продуктов владельцам, сохраняя остальное за собой: *excolentes terras partem fructuum pro solo debitam dominis praestiterunt cetera proprio peculio reservantes*.

Таким образом, предусматриваются различные возможности соглашений, но характерная для аграрных отношений того времени обработка земли за часть урожая стоит на первом месте.

Развитие колонатных отношений идет вместе с ростом натурального хозяйства. Эдикт 366 г. на имя правителя Триполитании предлагает владельцам имений (*domini praediorum*) получать плоды земли (*quod terra praestat*) и не требовать денег, так как крестьянам нечем платить²⁴.

В Африке в силу особых условий натуральное хозяйство вытесняло денежное медленнее, чем в других провинциях. Сальвиан говорит о богатстве, о роскоши, о развитии торговли африканских городов. Конечно, доверять его данным не приходится. Все это сказано для доказательства положения, что за богатство, роскошь и беззаконие Африка была наказана нашествием вандалов²⁵. Мы можем лишь утверждать, что обмен в Африке был в это время развит больше, чем в других провинциях, но он был значительно ниже, чем в эпоху Северов.

Поместья разной величины с сидящими на земле рабами и колонами— вот, что является характерным для Римской Африки конца III—начала IV вв. Мог ли находить здесь место свободный труд? Отрицать целиком возможность его применения мы не можем, но, безусловно, он играл минимальную роль. Его роль была значительно меньше, чем в те периоды, когда господствующей формой были крупные рабовладельческие хозяйства. Во всяком случае, если и были сельскохозяйственные рабочие, если и сохранились в какой-то мере *turmae messorum*, то количественный состав их был не таков, чтобы оказать вооруженное сопротивление римскому отряду при Октаве в 340 г. и при Багаи в 347 г.

Ошибка Соманя заключается в том, что он отказывается установить различие в хозяйственном строе Африки на различных этапах ее развития. То, что было частым явлением во II—III вв., почти совсем исчезло в IV в. Впрочем, поскольку он не видит разницы между кочующими сельскохозяйственными рабочими в эпоху Римской империи и в наши дни, немудрено стереть всякую грань между теми отношениями, какие существовали во II—III вв., и теми, какие сложились в IV—V вв. Было бы, однако, преувеличением сказать, что подобного рода взгляды характерны для одного Соманя. Они присущи многим представителям современной западной историографии, отрицающим своеобразие хозяйственной жизни поздней Римской империи. Из последних работ наиболее отчетливо это отражено в книге Миквитца²⁶.

Усмотрев в циркумцеллионах сельскохозяйственных рабочих, Сомань отбросил, как недостоверные, все данные африканской церковной литературы, а это привело его к отрицанию ожесточенной классовой борьбы,

²⁴ Cod. Just., XI, 48, 5.

²⁵ Salvianus, De gubernatione dei (C. S. E. L., v. 5, 1888), VII, 60.

²⁶ Mickwitz, Geld und Wirtschaft im Römischen Reich des vierten Jahrhunderts n. Chr. Helsingfors, 1932.

переходящей в отдельные периоды в гражданскую войну. Все это, по его мнению, выдумали церковные писатели в целях полемики с религиозными противниками.

Данные Оптата и Августина позволяют нам установить социальный состав агонистиков. Наиболее активным элементом были рабы, причем рабы, посаженные на землю. Мы можем сказать, что рабы, находящиеся при дворах владельцев, играли менее активную роль; из известного эпизода с пересаживанием рабов на место господ мы можем заключить, что *mancipia* не оставляли своих господ. Но что движение пользовалось среди них сочувствием, в этом не может быть сомнения. Прямое указание на участие колонов у нас есть только одно: в одном из писем Августина говорит, что донатистский диакон увел к агонистикам двух девиц, принадлежащих к сословию колонов²⁷. Но изложение Оптата и Августина показывает, что колоны были активными участниками движения агонистиков. Августин определяет направленность движения словами: «Дерзость мужиков восстает против их владельцев»²⁸. Заметим, что термин *rustici* распространяется на колонов в эдикте Валентиниана и Валента 365 г.²⁹ И если рабы добивались полного освобождения, если они угрозами заставляли уничтожать документы, доказывающие принадлежность их господину³⁰, то колоны ставили одним из первых своих требований освобождение от долгов. Это требование колоны выдвигали потому, что, как мы можем видеть из юридических документов, они постоянно находились в долгу у владельцев (*reliqua solopogum*—неотъемлемая принадлежность имения). Но сложения долгов добивались не только колоны. Это требование исходило и от свободных, незакрепленных элементов африканской деревни. Что ростовщическая кабала заставляла свободных бежать к агонистикам, показывает нам случай, рассказанный Августином: деревенский иподиакон Рустициан бежал к агонистикам от своих кредиторов³¹. Расписки должников (*chirographa*), которые в разгар движения потеряли силу³² и которые силой отбирались у кредиторов, могли быть даны и колонами и свободными.

Агонистики действовали путем подметных писем, владельцев поместий убивали, увозили в другие места, где под ударами бичей они должны были вращать жернова. Сносились и сжигались дома, разграблялись житницы, насильственно отбирались долговые расписки, уничтожались документы, доказывающие принадлежность рабов господам.

Движение было направлено против владельцев поместий, которые были в то же время и ростовщиками. Оно было направлено также и против католического духовенства, поскольку оно стояло на стороне крупных владельцев. Оно носило, наконец, антиримский характер, поскольку его участники принадлежали, главным образом, к берберийскому населению.

В отдельные периоды движение достигало определенных успехов. Так было в конце 30-х годов IV в., когда во главе агонистиков стояли Аксидо и Фазир. Сложилась отношения, когда никто не был спокоен в своих владениях, «когда ни один кредитор не мог взыскивать долгов», когда господам предлагали сажать на свое место сопровождавших их рабов. «Их (во-

²⁷ A u g., Ep., 35, 2.

²⁸ A u g., Ep. 108, 6, 18.

²⁹ Cod. Just., XI, 48, 5.

³⁰ A u g., Ep. 185, 4, 15.

³¹ A u g., Ep. 108, 6, 19.

³² O p t., III, 4.

ждей циркумцеллионов) судом и властью изменилось отношение между господами и рабами»³³.

Два поражения (340 и 347 гг.) способствовали упадку движения, а с другой стороны—усилили религиозный фанатизм, приводивший к разного рода эксцессам.

Новый подъем движения связан с деятельностью Оптата, епископа города Тамугади. Союзник римского комита Гильдона, происходившего из туземной аристократии и пытавшегося отложиться от Рима, Оптат в течение десяти лет имел власть над городами и поместьями. Он производит переделы имений³⁴, заставляет купцов снижать цены на продаваемые предметы потребления и делиться выручкой с покупателем. После того, как было подавлено движение Гильдона, Оптат был схвачен, посажен в тюрьму, где и умер (398 г.). Трудно предположить, что все эти факты—плоды фантазии полемистов.

Наши источники тесно связывают агонистиков с донатизмом, выражавшим сепаратистские тенденции различных слоев африканского населения, недовольных политикой закрепощения и усиления налогового гнета, характерной для эпохи империи. Сомань, как мы видели, отрицает эту связь. Основывается он на том, что циркумцеллионы упоминаются в направленной против католиков эдикте вандалского короля Гунериха от 25 февраля 484 г.³⁵ Исходя из этого, Сомань делает заключение, что циркумцеллионы могли быть связаны с различными конфессиональными группировками. Мы считаем верным то толкование этого эдикта, которое дает Монсо, находящий, что эдикт имел в виду не только католиков, но и всех неариан. Под циркумцеллионами же вообще понимаются донатисты³⁶. Впрочем, эдикт Гунериха в этой части повторяет эдикт 412 г., и составитель мог без критической проверки переписать все, что там содержалось. Таким образом, отпадает и этот аргумент Соманя. Донатизм помог идеологическому оформлению движения агонистиков, но, с другой стороны, он способствовал и развитию религиозного фанатизма, отвлекающего носителей движения от реальных задач борьбы. Мы уже говорили, в какой связи находим мы упоминание об агонистиках у церковных писателей. Они не дают нам возможности восстановить всю социальную систему агонистиков. Но что таковая была—в этом нет сомнения. Например, во время нападений они употребляли вначале только палки, исходя из новозаветного текста: «Взявший меч от меча погибнет»³⁷. Палка эта называлась «израильтянкой»³⁸. Несомненно, это только фрагмент целой системы обоснования целей и методов борьбы. Несомненно, что идеалом агонистиков было основанное на уравнительных началах патриархальное крестьянское хозяйство.

Движение агонистиков было направлено против крупного римского землевладения. Оно нашло своих союзников и в лице недовольных элементов города и в лице отдельных племен, стремившихся к независимой политической жизни.

Это движение способствовало разрушению рабовладельческого хозяйства. Оно относится к последнему этапу революции рабов.

³³ O p t., III, 4.

³⁴ A u g., Contra litt. Pet., II, 23, 53: aliena patrimonia prodidit. Мы следуем толкованию Юнга—J u n g, Die romanischen Landschaften. S. 180.

³⁵ V i c t o r V i t., de pers., III, 10.

³⁶ M o n s e a u x, Hist. lit. de l'Afr. chr. T. IV, p. 311.

³⁷ A u g., Contra litt. Pet., II, 88, 195; II, 96, 222.

³⁸ Fustes Israheles vocant. Quod dixerunt cum honore. A u g., Ps. contra part. Donati, 149.